

Наум Ефимович Застенкер
Об ОЦЕНКЕ ПРУДОНА И ПРУДОНИЗМА
в «КОММУНИСТИЧЕСКОМ МАНИФЕСТЕ»
из истории социально-политических идей
Сборник статей к 75-летию
академика Вячеслава Петровича Волгина
М.: изд-во АН СССР. 1955

Веб-публикация: Vive Liberta, 2012

В литературе по истории социализма и научного коммунизма неоднократно поднимался вопрос о причинах изменения марковой оценки Прудона и его идей за короткий период времени, отделявший «Ницету философии» от «Коммунистического Манифеста». Как известно, в первом произведении, которое писалось в конце 1846 — первой половине 1847 г., взгляды Прудона были расценены как «кодекс мелкобуржуазного социализма»; во втором, написанном менее чем через год, Маркс отнес прудонизм к разновидностям консервативного или буржуазного социализма.

Различие этих оценок стало для буржуазных правосоциалистических и анархистских историков и «комментаторов» «Коммунистического Манифеста» излюбленным поводом ко всяkim злопыхательским рассуждениям о «необъективном» отношении Маркса к Прудону, породившем якобы кричащее противоречие этих двух оценок.

Марксизм давно разоблачил полную несостоятельность этих клеветнических домыслов и утверждений о наличии принципиальных противоречий между этими оценками, как и вообще между направлениями буржуазного и мелкобуржуазного социализма. Классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали на то, что между различными течениями непролетарского социализма имеется общность ряда исходных теоретических позиций. И буржуазный и мелкобуржуазный социализм в анализе капиталистического общества и причин его зол исходили из признания незыблемости основ товарного производства и соответствующих этим основам производственных отношений и ограничивались критикой производных явлений, вытекающих из этих основ, выдвигая различные утопические проекты устранения анархии производства, нищеты, безработицы и т. п., при сохранении фундамента классового общества — частной собственности на средства производства. «Буржуазный социализм», — писал по этому поводу Энгельс, — подает руку мелкобуржуазному¹. Это похожение в особенности применимо к прудонизму. Еще Маркс, разоблачая «социализм» Прудона, доказал своим сокрушительной критикой прудонистских идей, что в теоретическом отношении Прудон не возвышался над уровнем буржуазного горизонта. Подобно буржуазным экономистам и идеологам, Прудон принимал товарное производство и обмен товаров за вечные и неизменные основы общества. Теоретическим источником прудонистских реформаторских проектов явилось незнание основных элементов отношения товарного производства к капиталистическому. В результате этого Прудон принимал второстепенные способы капиталистической эксплуатации за главные и видел источник капиталистической прибыли в

¹ К Маркс и Ф Энгельс Соч. т XV, стр 29

неэквивалентном обмене и процене. Критикуя частную собственность как «кражу», Прудон отосил эту критику лишь к капиталистической крупной собственности, эксплуатирующей и разоряющей мелких производителей собственников посредством непосильной конкуренции, ростовщического кредита, тяжести налогового обложения, различных монополий и привилегий. Требуя уничтожения крупной капиталистической собственности, Прудон всячески отстаивал — сначала под видом «держания», «владения», а впоследствии и открыто — мелкую частную собственность, воспевая ее как основу экономического прогресса и гарантию «свободы личности» производителя. Таким образом, в своем стремлении сохранить основу капитализма и в то же время устраниТЬ его бедствия, Прудон воспроизводил сущность буржуазного социализма. «Не уничтожить капитализм и его основу — товарное производство, а очистить эту основу от злоупотреблений, от нарости и т. п.; не уничтожить обмен и меновую стоимость, а, наоборот, „конституировать“ ее, сделать ее всеобщей, абсолютной, „справедливой“, лишенной колебаний, кризисов, злоупотреблений — вот идея Прудона»¹.

В свете этих бесспорных положений становится совершенно ясным вопиющее невежество буржуазных «критиков» Маркса, усмотревших противоречие в его оценках Прудона как мелкобуржуазного и как буржуазного социализма. Одна оценка несколько не отрицала другую и не противоречила другой, но дополняла ее, указывая на суть идейных основ мелкобуржуазного реформаторства Прудона, на объективный смысл его реформаторских проектов.

Это отнюдь не снимает с исследователей истории социалистических идей, с историков развития марксизма задачи выяснения тех причин и обстоятельств, которые побудили Маркса и Энгельса дополнить их прежнюю оценку Прудона характеристикой его реформаторства как разновидности буржуазного социализма. При объяснении происхождения этой характеристики «Коммунистического Манифеста» нельзя ограничиться ссылкой на те произведения Прудона, какие имел в виду Маркс при написании «Нищеты философии». Необходимо учесть те новые факты и новые данные, какие могли появиться в поле зрения Маркса и Энгельса накануне создания «Коммунистического Манифеста», и дополнить их представления о направлении мысли прудоновского реформаторства, равно как и о политических позициях Прудона в обстановке наревавшего революционного кризиса во Франции.

* * *

Год, предшествующий февральской революции, был весьма важной вехой в развитии прудонизма. Обычное утверждение биографов Прудона, повторяемое и другими исследователями истории социальных идей, что переход к практической, реформаторской и общественно-политической деятельности начинается у Прудона лишь после февральской революции 1848 г., не соответствует действительности. В действительности поворот к такой деятельности обозначился у Прудона сразу же после выхода в свет «Системы экономических противоречий»².

¹ В И Ленин Соч. т 20, стр 17

² Р J P r o u d h o i. Correspondance, t II, 1875, p 222, письмо к Бергману от 22 октября 1846 г. Извещая здесь своего друга о выходе в свет «Системы экономических противоречий», Прудон писал: «Начиная с сегодняшнего дня я всерьез возвращаюсь к активной жизни. Период моего чистого исследования закончился, начинается моя новая карьера. В ноябре я буду в Париже, чтобы пустить в ход экономическую реформу, над которой я работаю»

Источники и материалы содержат достаточно доказательств того, что к политической деятельности Прудон приступил еще в 1847 г., почти за год до революции. Направление и характер этой деятельности уже тогда показывали на известную определенность, какую приобрели его реформаторские и политические идеи. Мы имеем в виду не только те принципиальные положения прудонистского социального реформаторства, о которых Прудон писал в своем известном ответе на письмо Маркса в мае 1846 г. и которое он изложил затем в «Философии нищеты» («вернуть обществу посредством экономической комбинации те богатства, которые выпали из общества благодаря другой экономической комбинации»). Речь идет о воплощении этих положений в практическом проекте реформ и в ясно очерченной политической позиции по отношению к июльской монархии и к растущему революционному кризису во Франции. Между этими двумя сторонами деятельности Прудона существовала прямая связь: потребность практического осуществления реформаторских идей делалась для Прудона тем более жгучей, чём явственнее назревала в стране революционная ситуация.

Вопрос о переходе к практическому осуществлению своих реформаторских идей встал перед Прудоном в связи с окончанием работы над «Системой экономических противоречий», содержавшей теоретическую концепцию этих реформ. Надо отметить известное воздействие, какое оказывал в этом отношении на Прудона Карл Грюн, торопивший Прудона переходить к «положительной акции» по «конституированию стоимости»¹. Свидетельством этого воздействия является переписка Прудона с Грюном за 1846—1847 гг. В этой переписке оживленно обсуждалась мысль о необходимости сплочения единомышленников Прудона во Франции и за рубежом, о создании между ними «ассоциации»², выяснялись сравнительные шансы на успех прудонистской деятельности во Франции, Швейцарии, Германии³.

По мере того как политическая обстановка во Франции накалялась, эти призывы Грюна к Прудону делались все более настоятельными. Летом 1847 г. Грюн писал Прудону: «Ваше достоинство требует того, чтобы вы немного подумали о своей практической миссии, после того, как вы столь блестяще завершили свою миссию теоретика. Не знаю придется ли вам облачаться в генеральский мундир,— я не рассчитываю на это и николько не желаю этого,— но времена свершаются, судьба заставит нас решать проблему, говорить на улицах, приводить в действие народ (faire travailler le peuple)...»⁴. «Будем же готовиться,— говорил Грюн,— и вы, с присущим вам большим практическим смыслом, вы, я уверен в том, легко наметите свой путь»⁵. Этот путь был намечен Прудоном в первой половине 1847 г.

О замыслах и намерениях Прудона в 1847 г. красноречиво говорило то обстоятельство, что он искал теперь возможности распространить свои идеи через газету — это орудие повседневной политической агитации и пропаганды. Перед глазами Прудона стоял, конечно, пример других социалистических школ, фурьеристов, христианских социалистов, Луи Блана, обладавших собственными газетами и имевших возможность сочетать

¹ Архив ИМЭЛС. Письмо Грюна к Прудону от 3 сентября 1846 г.

² Там же. Грюн — Прудону, письмо от 24 ноября 1846 г.

³ Там же. Грюн считал, что Швейцария в качестве центра прудонистской деятельности непригодна, и писал, что «мы победим во Франции и в Германии, либо нигде». Прудон доказывал Прудону, что его идеи имеют превосходные шансы на успех на родине Грюна (см. также письмо Грюна к Прудону от 25 июля 1847 г.).

⁴ Архив ИМЭЛС. Грюн — Прудону, письмо от 26 августа 1847 г.

⁵ Там же.

пропаганду с организацией своих сторонников. Газета как орудие практической деятельности — такова была мысль Прудона. «От критики я перехожу к действию и это действие начинается посредством газеты», — писал он в одном письме, объясняя свои намерения¹. Намерения эти привели к попытке создания прудонистской прессы во Франции. Уже в конце 1846 г., как можно судить по переписке Грюна с Прудоном, между ними обсуждался вопрос об использовании для пропаганды прудонистских идей некоторых парижских газет как республиканского направления, так и монархического («National», «Presse», «Moniteur industriel», «L'Esprit public» и др.)².

Весною 1847 г. Прудону представился случай осуществить свое намерение: он получил предложение участвовать в издании новой демократической газеты. Речь шла о проекте возрождения популярной некогда в провинциальных демократических кругах газеты «Journal du Peuple», редактировавшейся Годфруа Кавенъяком и левым республиканцем М. Дюпоти и прекратившей выход в 1841 г., после ареста Дюпоти³. Учредителем новой газеты выступил республиканец Виктор Пиль. В поисках имен, которые должны были украсить новую газету и привлечь к ней подписчиков, Пиль обратился с приглашением о сотрудничестве к ряду демократических литераторов. Выбор их не отличался строгой определенностью, как не отличались этой определенностью и собственные идеи Пиля⁴. Человек деятельной, размашистой натуры, Пиль не был ни мыслителем, ни политиком с теоретическим складом ума. Смолоду он примыкал к республиканским тайным обществам и увлекался пропагандой их идей, совмещая это со своей профессией коммивояжера. Убеждения Пиля эклектически соединяли бесцветно-радикальные политические идеи Ледрю-Роллена с реформаторскими воззрениями Прудона и отличались определенностью лишь в одном пункте — во враждебном отношении к социализму и коммунизму всех школ и направлений. По собственному признанию Пиля, он вел в течение шести лет до февральской революции антикоммунистическую пропаганду по всей Франции, а также в Швейцарии и Бельгии⁵.

Помимо Прудона, сотрудничать в предполагаемой газете соглашались М. Дюпоти, А. Торе, А. Люше, Люсьен де ла Одд⁶. Все они прислали ответы, содержание которых только подчеркивало разнобой их мотивов. Бывший редактор «Journal du Peuple» отвечал весьма сдержаным соглашением и высказывал характерное пожелание, чтобы газета «держалась в стороне от утопий»⁷; А. Торе, старый республиканец-демократ и бывший сотрудник «Journal du Peuple», требовал «уничтожения пролетариата и ликвидации троекого рабства — материального, интеллектуального и морального»⁸.

¹ P. J. P r o u d h o n. Correspondance, t. 11, p. 272, письмо к Бергману от 12 октября 1847 г.

² Архив ИМЭЛС. Письмо Грюна к Прудону от 19 декабря 1846 г.

³ Дюпоти, преданный суду по обвинению в «моральном соучастии» в покушении на герцога Омальского, был приговорен к пяти годам тюремного заключения. В 1844 г. по амнистии Дюпоти был освобожден из заключения и снова окунулся в республиканско движение.

⁴ О Викторе Пиле см. Ph. M o g è r e. Victor Pilhes. Foix, 1924, а также статью Mорэра «Les rapports de Pilhes avec Proudhon» в журнале «La Révolution de 1848», t. XVII, № 92, pp. 70—96.

⁵ «La Révolution de 1848», № 92, p. 95.

⁶ A D a r i m o n. A travers une révolution. Paris, 1884, p. 11.

⁷ «La Révolution de 1848», № 92, p. 72; см также A. D a r i m o n. Указ. соч., стр. 11.

⁸ «La révolution de 1848», № 92, p. 72.

Литератор А. Люше, проживавший в эмиграции на о-ве Джерсей, выражал свою радость «сотрудничать с теми, кто получил боевое крещение от рук прокуратуры»¹. Ф. Пиа, пользовавшийся репутацией крайнего левого демократического публициста и писателя, отвечал Пилю сдержаным и неопределенным согласием. Красноречивым фактом было согласие на участие в газете Пиля публициста де ла Одд, разоблаченного после февральской революции полицейского агента июльской монархии. Де ла Одд в своих известных «разоблачениях» о деятельности тайных обществ при июльской монархии, между прочим, утверждает, что ему принадлежала чуть ли не инициатива в деле создания газеты «Peuple» и что это он подал Пилю идею такой газеты — «чтобы увеличить раскол между патриотами»². Другой полицейский агент, Шеню, в критической перебранке с де ла Оддом приписывал эту инициативу себе и утверждал, что это он посоветовал де ла Одду, чье литературное тщеславие было задето отказом «Réforme» принять его статью, отомстить основанием новой демократической газеты³. Коссидье и Мио, опровергавшие полицейские рассказы де ла Одда о деятельности тайных обществ, объясняли участие де ла Одда в создании газеты «Peuple» совсем иначе. Новая газета «должна была похитить подписчиков у газеты «Réforme» и, следовательно, уменьшить круг действия органа, которому покровительствовал Ледрю Роллен»⁴. Во всяком случае Коссидье и Мио признавали, что в роли заместителя Пиля по газете «Peuple» де ла Одду представился случай «навести полицию на следы деятельности демократов провинции»⁵.

Все эти признания показывают, что интерес, проявленный агентами июльской монархии к созданию газеты «Peuple», определялся не столько их оскорблением «самолюбием», сколько иными мотивами: намерение создать новую демократическую газету играло на руку определенным планам полиции. Более того, как правильно отмечает биограф Пиля Ф. Морэр, «совершенно невольно Прудон и Пиль служили намерениям правительства»⁶. Гизо и Дюшатель всячески стремились углубить разногласия в демократическом лагере, обострить борьбу мирно-реформистских направлений мелкобуржуазной демократии против революционного, чтобы подорвать влияние последнего в массах.

Что касается самого Прудона, то его согласие на участие в газете Пиля было связано с нескрываемой надеждой сделать ее рупором своих идей. Поэтому роль Прудона в создании газеты была куда большей, чем роль приглашенного сотрудника. Фактически он собирался стать идейным вдохновителем всего предприятия. «Я приступаю к изданию своей газеты,— писал Прудон своему лyonскому другу Бергману,— я являюсь единственным, кто может вдохнуть жизнь и обеспечить успех этому предприятию»⁷.

Признание Прудона не страдало в данном случае нескромностью. Среди всех приглашенных литераторов он был единственным мыслителем и с самого начала отводил себе в редакционном коллективе роль теоре-

¹ Там же.

² *Histoire des sociétés secrètes etc*, par Lucien de la Hodde, Bruxelles, 1850, p. 336. На большую роль де ла Одда в попытке создания газеты «Peuple» показывало то обстоятельство, что во время поездок Пиля в провинцию, за деньги и подписчиками на новую газету, его заместителем в Париже оставался де ла Одд.

³ A. Chênu. *Les conspirateurs etc.*, P., 1850, p. 48.

⁴ См. *Réponse aux deux libelles; les Conspirateurs et la Naissance de la République de Chênu et De la Hodde etc*, par le citoyen Jules Miot. P., 1850, p. 54.

⁵ Там же.

⁶ «La révolution de 1848», t. XVII, № 92, p. 73.

⁷ P. J. Proudhon. *Correspondance*, t. II, p. 272.

тика. В письме, выражавшем согласие участвовать в газете Пиля, Прудон в приподнятом тоне говорил, что становится ее сотрудником «от имени науки»¹. Он доказывал завсегдатаям демократии, собранным Пилем вокруг затеваемого издания, что «если сила есть последний довод народа, то его употребление узаконивает лишь идея»². Даримон, случайно ставший свидетелем первого совещания сотрудников и учредителей газеты Пиля, сразу же подметил, что между Прудоном и другими будущими сотрудниками было мало общего: «Прудон — мыслитель, а эти господа — люди действия. Они вовсе не понимают одинаковым образом революцию; Прудон считает ее возможной лишь посредством примирения всех антиагонистических интересов, а его друзья хотят прежде всего перемены правительства»³. В этом разношерстном коллективе Прудону принадлежала, бесспорно, руководящая роль и его виды на «Peuple» имели под собой основание. Лучше всего это доказывает проспект газеты «Peuple», изданный в начале сентября 1847 г. Изложенная в этом проспекте программа газеты принадлежала, как это можно установить с достоверностью, перу Прудона⁴. Программа эта воспроизвела те основные идеи, какие Прудон излагал в «Системе экономических противоречий» и развивал далее в новом произведении, подготовлявшемся им к печати в 1846—1847 гг.⁵

Эта новая работа Прудона, имевшая значение первой его конкретной программы социальных реформ, и должна была стать знаменем газеты «Peuple». Последняя собиралась опубликовать ее отдельными выпусками на своих страницах⁶.

Указания на новое открытие Прудона проскальзывали во многих местах проспекта «Peuple». Проспект подчеркивал, что лекарство от социальных зол надо искать «не в диктаторах и мессиях» и «не в представительной олигархии, так же как и не в разных системах монархий». Оно заключено «в определенных принципах, провозглашенных нашей великой революцией, но никогда не применявшимися; оно — в позитивном изучении

¹ А. Дагитоп. Указ. соч., стр. 10—11, письмо Прудона к Пилю от 3 мая 1847 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Авторство Прудона доказывается его собственным признанием («Проспект вышел частично из-под моего пера...» — Correspondance, t. II, p. 272) и свидетельством Даримона. Последний относил заключительную часть проспекта газеты «Peuple» «к лучшим страницам Прудона» (А. Дагитоп, Указ. соч., стр. 9). Даримон приводит в своих воспоминаниях разговор с одним из основателей газеты «Peuple», который сообщил, что весь проспект был отредактирован Прудоном и что заключительная часть была написана самим Прудоном (там же, стр. 13). В одном письме Прудон называет этот проспект «мой проспект» (Р. J. Roudhon. Correspondance, t. VI, p. 366).

⁵ Об этой работе было возвещено еще в 1846 г. на обложке первого издания «Системы экономических противоречий». Она анонсировалась там под названием «Решение социальной проблемы». По свидетельству Даримона, ее полное название гласило: «Программа прогрессивной ассоциации, решение проблемы пролетариата» (см. предисловие Даримона к сборнику статей Прудона за 1848 г Р. J. Roudhon. Œuvres complètes, t. VI, Р., 1868, p. 139).

⁶ См. письмо Прудона к Морису от 30 мая 1847 г., к Бергману от 4 июня 1847 г. и издателю Гильомэну от 19 сентября того же года, где Прудон извещал его об окончании своего нового труда (Р. J. Roudhon. Correspondance, t. II, pp. 267—268), а также мемуары Даримона (указ. соч., стр. 13), где приведен его разговор с одним из учредителей газеты «Peuple». Собеседником Даримона был, по всей вероятности, де ла Одд, имя которого Даримону было неудобно называть после разоблачения его полицейско-прокураторской службы юльской монархии. Де ла Одд сообщал Даримону, что книга, над которой Прудон работает, «будет служить манифестом» для газеты и «будет иметь большое значение, так как даст решение социального вопроса». В письме от 3 августа 1847 г. к Delarageaz Прудон также сообщал, что его решение социальной проблемы «появится через несколько месяцев в серии статей, которые будут публиковаться в двухнедельной газете «Peuple», готовящейся в настоящее время к выходу» (Р. J. Roudhon. Correspondance, t. III, p. 390)

общества, выраженнем экономической наукой, принципы которой, в их развитии, будут даны газетой «Peuple»¹.

Все же основная мысль проспекта была выражена туманно и неопределенно: «Экономическая наука учит нас тому, что организовать труд и организовать правительство — это одно и то же, что в этой организации всякая мифология должна исчезнуть и что народ, а в каждом народе гражданин, должен действовать повсюду непосредственно, прямо».

Общая формулировка программных целей газеты «Peuple» не разъясняла этих мыслей и лишь старалась изложить их словарем обичной демократической фразеологии: «Чего же, наконец, мы хотим? Чтобы народ, т. е. всякий трудящийся, как и совокупность трудящихся, мог поклоняться богу без священника, трудиться без хозяина, совершать обмен без лихомства (usure), владеть без ипотеки, формировать свое сердце и разум без предрассудков, участвовать в управлении своим отечеством, не делая своими представителями героев или плутов»².

Заключительная часть проспекта, трактовавшая о средствах и сроках осуществления выдвинутой газетой программы, была также туманна. Обращаясь к «пролетариям», проспект заявлял, что «революция — это экономическая наука», и обещал вывести из этой науки решение всех социальных проблем, обеспечив пролетариату свободу, равенство, братство, богатство, власть и славу «в срок меньший, чем тот, который понадобился нашим отцам, чтобы потерять их, от падения Людовика XVI до коронации императора».

Для этого надо предпринять одно: «торжественным актом взаимно обязаться друг перед другом соблюдать во всех ваших сделках те принципы справедливости, какие мы раскроем вам»³.

Эти скучные слова не получили тогда расшифровки. Дело в том, что издание газеты «Peuple», несмотря на все усилия Пиля, осуществить не удалось, так как издатели не смогли собрать требуемого законом залога в 50 тыс. франков⁴. Не увидела до революции света и работа Прудона «О прогрессивной ассоциации». Не осуществилось и намерение Прудона составить «философско-юридически-экономический мемуар», о котором упоминалось однажды, в его переписке с Грюном⁵. Неудача, постигшая издание «Peuple», похоронила все эти проекты и планы.

Прудон впоследствии, в 1849 г., утверждал, что уже в 1847 г. в его сознании сложилась идея «народного банка», которая созрела одновременно с идеей создания газеты «Peuple», что эти две идеи восходят ко

¹ Проспект газеты «Peuple» был скопирован Даримоном и воспроизведен в его мемуарах (указ. соч., стр. 9—10). Один экземпляр проспекта был найден Морэром у друга Пиля — Пескера. Морэр подтверждает правильность копии Даримона (*«La Révolution de 1848»*, № 92, р. 72).

² А. Дагитоп. Указ. соч., стр. 9—10.

³ Там же.

⁴ Р. Ж. Рюденоп. Correspondance, t. II, p. 276, письмо к Морису от 22 января 1848 г.

⁵ Архив ИМЭЛС. Письмо Грюна к Прудону от 17 ноября 1847 г. Это намерение Прудона вызвало возражения со стороны его немецкого единомышленника, не одобрявшего такого возврата к ученым трактатам в обстановке, требовавшей пропаганды прудонистских идей в массах и практических действиях. «Разве у нас есть время заниматься всем этим?» — писал Грюн Прудону по поводу его затей с «мемуаром». «Я полагаю, что мы лучше сделаем, бросив в публику массу идей и добиваясь их осуществления, а академические труды оставим академикам». Грюн рассматривал издание прудонистской газеты во Франции как международное предприятие единомышленников Прудона. В своих письмах к Прудону Грюн уже намечал меры к распространению на немецком языке важнейших материалов, которые Прудон опубликует в газете «Peuple», и разрабатывал проекты своего собственного участия в этой газете (см. там же, письма Грюна к Прудону от 25 июля, 26 августа, 17 ноября 1847 г.).

времени за год с лишним до февральской революции¹. В доказательство этого он ссылался на проспект газеты 1847 г., в котором будто бы говорилось, что новая газета «возьмет на себя инициативу экономической реформы посредством ассоциации и организации кредита». Однако в проспекте 1847 г. этих слов не было, и можно лишь догадываться, что туманные формулировки этого проспекта имели в виду такую идею. Впрочем, точности данного утверждения Прудона особенно доверять не приходится. В 1849 г. он путал даже время появления проспекта «Peuple», относя его к ноябрю 1846 г., тогда как проспект появился в сентябре 1847 г.

Общие фразы проспекта ничего не прибавляли к тем многочисленным намекам, которые Прудон рассыпал в письмах к друзьям в 1847 г. Там также возвещалось о найденном «решении проблемы», сб открытой им «системе», о том, что он «уверен, совершенно уверен в достижении результата — положительного и немедленного — в области социальной экономии». Но и в письмах к друзьям Прудон уклонялся от разъяснения, в чем же состоят это решение и этот результат. Образчиком его уклончивых, при всей их велеречивости, объяснений может служить одно место из письма к Бергману, утверждавшему, что Прудон не сможет найти выхода из своей системы экономических противоречий, не впадая в ту самую утопию, какую он сам осуждает. Прудон отвечал, что хотя в «Системе экономических противоречий» найденный им «синтез не раскрывается», однако синтез этот существует и «я обладаю им... Общество идет к состоянию, прямо противоположному тому, в каком оно ныне пребывает, и оно идет к нему через развитие тех самых принципов, какие создали современное состояние... Это противоположное общество (*inversion de la société*) и есть моя система»².

Таким образом, исследование идейно-политических позиций Прудона накануне февральской революции встречается с тем фактом, что относящиеся к этому вопросу источники крайне скучны и важнейшие материалы не опубликованы. Что же касается опубликованных Прудоном после февральской революции отрывков из его труда о «прогрессивной ассоциации», то эти отрывки далеко не воспроизводят дореволюционного текста указанного сочинения. Несомненно, что после революции Прудон должен был привести свой труд в соответствие с новыми общественно-политическими условиями, созданными февральской революцией, и исправить его.

Эта переделка коснулась и тех частей работы Прудона, которые, как можно предположить, вошли в его новые произведения, написанные в 1848—1851 гг., — как в газетные статьи и памфлеты, так и в крупные работы, такие, как «Résumé de la question sociale» и «Idée générale de la Révolution en XIX siècle».

Все это послужило основанием для вывода, который не замедлили сделать биографы и исследователи Прудона, отказывавшиеся давать сколько-нибудь определенную характеристику проектам Прудона накануне революции 1848 г. От «Философии нищеты» они переходили сразу же к идеям Прудона после февральских дней. Но может ли такой скачок быть оправдан ссылкой на отсутствие необходимых сведений и материалов? Как мы стараемся показать, такие материалы все же существуют и они могут до известной степени восполнить пробелы в источниках.

Важнейшие сведения по интересующему нас вопросу содержат парижские письма Ф. Энгельса от сентября — октября 1846 г. В этих письмах

¹ «Le Peuple», 15 апреля 1849 г.

² P. J. P r o u d h o n . Correspondance, t. II, pp 257—258.

Энгельс информировал брюссельский «Коммунистический корреспонденгский комитет» и Маркса о новейшей реформаторской панацеи Прудона — о его плане «ассоциации». Обстоятельства пребывания Энгельса в это время в Париже хорошо известны и вполне объясняют специальный интерес Энгельса к этим проектам Прудона. Первейшей целью поездки Энгельса в Париж и была борьба с влиянием мелкобуржуазного социализма в местной общине «Союза справедливых», где орудовал пророк немецкого «истинного социализма» К. Грюн, пытавшийся найти для него опору и союзника в воззрениях Прудона.

Правда, письма Энгельса сообщали Марксу о проектах «грюнанизированного Прудона». источником информации Энгельса об этих проектах были разглашения о них Грюна, носившегося тогда с идеями Прудона и пересказывавшего их содержание своим последователям в парижской общине «Союза справедливых». Склонность Грюна, явившего собой, по выражению Маркса, «забавное зрелище сочетания истинного социализма с младогегельянским литераторством», по-филистерски утрировать любую мысль достаточно известна, и, понятно, его информация не может внушить к себе полного доверия.

Но при проверке этих сведений перед исследователем возникало серьезное затруднение. Энгельс сообщал Марксу, что реформаторский план Прудона излагается в его «новой, не напечатанной еще книге, которую Грюн переводит». Поэтому-то, писал Энгельс, Грюн «... всюду хвастался, что ему известен новый философский камень», и рассказал, наконец, об этом плане своему ближайшему единомышленнику Эйзерману, который и выболтал «великую тайну»¹.

Книга Прудона, о которой здесь шла речь,— это, бесспорно, пресловутая «Система экономических противоречий или философия нищеты». Она вышла в свет через месяц после указанных писем Энгельса, и именно ее переводил Грюн с гранок, предоставленных ему Прудоном². Однако — и в этом состоит затруднение, о котором мы говорили,— в данной книге Прудон писал о своих реформаторских планах еще очень глухо и невнятно. Никаких конкретных реформаторских проектов, тем более планов создания «ассоциации», в «Философии нищеты» не излагалось. Таким образом, проверить правильность передачи прудоновских проектов Грюном было затруднительно. Сами же грюнианцы излагали и толковали эти планы вкрай и вкось. Поэтому сообщения Энгельса о прудоновских проектах были не вполне определенными. В письме брюссельскому комитету от 16 сентября 1846 г. Энгельс излагал их как план создания ассоциации ремесленников и ремесленных рабочих для обмена между ее участниками, продуктами их труда по себестоимости³. В следующем же письме к Марксу, от 18 сентября, Энгельс излагал другой вариант плана, преподносившийся грюнианцами членам парижской общины «Союза справедливых». На этот раз речь шла о совершенно смехотворном проекте создания рабочими на собственные средства акционерных мастерских, где будут работать акционеры; продукты будут продаваться акционерам по себестоимости, излишек же реализоваться по рыночным ценам. Полученная прибыль и вновь привлекаемые средства новых акционеров пойдут на устройство новых мастерских и т. д. и т. п., «...пока все пролетарии будут заняты и все имеющиеся в стране производительные силы будут

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 33.

² Архив ИМЭЛС. Письма Грюна Прудону от 15 мая, 1 августа и 24 ноября 1846 г.

³ Там же.

выкуплены...»,— излагал Энгельс саркастически этот проект, возмущаясь тем, что Прудон позорит, компрометирует социализм¹.

Буржуазные историки французского «социализма 48 года», равно как апологеты Прудона — его биографы, предпочитают умалчивать о материалах Энгельса относительно реформаторских проектов Прудона предреволюционного периода. Молчание это само по себе довольно красноречиво. В письмах Энгельса содержались не только сведения об этих планах, но и острыя, глубокая критика их существа. Энгельс, еще до выхода в свет прудоновской «Философии нищеты», в этих письмах, как заметил В. И. Ленин, «...с беспощадной язвительностью и замечательной глубиной критикует основные идеи Прудона...»². О силе и неотразимости этой критики свидетельствует тот факт, что в трехдневной дискуссии относительно плана ассоциации Прудона, происходившей в парижской общине «Союза справедливых», где большинство вначале было настроено против критики Энгельса, он разбил наголову защищавших прудоновские проекты грюаницев и почти совершенно лишил их влияния в общине.

Новые документальные материалы дают возможность подтвердить всю обоснованность и поразительную меткость этой критики Энгельса. Позволяя проверить пересказы прудоновских проектов Грюном, эти материалы доказывают, что Энгельс совершенно верно уловил сущность прудоновской «ассоциации» и его критика метко попадала в цель.

Затруднение с проверкой сведений Грюна и К° о проектах Прудона в значительной мере преодолевается, если мы обратимся к материалам самого Прудона, к его не опубликованным до сих пор *Carnets intimes* — записям в личных записных книжках, которые Прудон вел, с некоторыми перерывами, в течение двадцати с лишним лет своей жизни³. Один из виднейших представителей современного реакционнейшего «неопрудонизма», известный историк Д. Алеви (D. Halévy) привел в своей новейшей биографии «раннего» Прудона ряд выдержек из его записных книжек от марта 1845 г. Записи эти доказывают, что уже к этому времени реформаторские идеи Прудона приобрели у него довольно конкретные очертания. В этих записях обнаруживается первоначальный набросок того плана ассоциации, о котором через год велись страстные споры в парижской общине «Союза справедливых», закончившиеся полной победой Энгельса.

В своих записях Прудон набросал проект создания «коллективного общества на коммандитных началах», имеющего во главе «г-на Прудона, управляющего»⁴. Проектируемое им общество Прудон именовал «промышленным обществом» и считал, что по мере своего развития оно приобретает разносторонние функции: «станет банком, сберегательной и страховой кассой, кассой взаимопомощи... арбитром цен», будет заниматься школами, культурно-просветительной работой и т. д.

Но уже беглый взгляд на эти наброски Прудона показывает, что в действительности он имел в виду не производительную ассоциацию,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 40.

² В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 505.

³ Как сообщает Э. Доллеан, имевший широкий доступ к этим записным книжкам, хранившимся у старшей дочери Прудона, Катерины Эннеги (Henneguy) до ее смерти (1947 г.), всего имеется одиннадцать записных книжек (E. Dolléans. Proudhon. P., 1948, p. 117), охватывающих период с июля 1843 г. до лета 1864 г. Выдержки из этих записных книжек использовали в своих работах также другие «неопрудонисты», особенно D. Halévy (см. его статью «Proudhon d'après ses Carnets inédits (1843—1847)» в «Hier et demain», 1947, а также его предисловие к новейшему французскому изданию прудоновской «Confessions d'un révolutionnaire», P., 1929 и его же «La vie de Proudhon», P., 1948).

⁴ D. Halévy. La vie de Proudhon, p. 385.

а нечто совсем иное. Одна из этих записей гласила: «Всякий член ассоциации обязуется доставлять свой труд (*s'engage à fournir son travail*) по себестоимости (или на столько-то процентов ниже продажной цены) всякий раз, когда этого потребуют от него, пока не обеспечит 150 рабочих дней. Он обязуется снабжаться (*il s'engage à s'approvisionner*), в меру своих потребностей, всеми товарами, доставляемыми обществом, пока не будет достигнута стоимость, равная 300 рабочих дней по ценам, уплачиваемым обществом»¹.

Расплывчатость этих положений, их незрелость бросаются в глаза, но смысл тем не менее проступает довольно ясно. В набросках Прудона речь шла не об ассоциации коллективного производства, а об организации обмена самостоятельных производителей. «Труд», который должны были доставлять прудоновской «ассоциации» ее члены, означал фактически продукты труда, изделия, которыми в определенных размерах будут обмениваться по себестоимости члены ассоциации.

Выяснение этого вопроса имеет большое значение для понимания сущности прудоновской «ассоциации». Термин «ассоциация», употреблявшийся часто Прудоном в его реформаторских проектах, сейл немало заблуждений среди современников и продолжает по сей день продолжать неправильные толкования его идей у историков. Этот термин, заимствованный Прудоном у сен-симонистов, порождал ошибочное представление о признании Прудоном в какой-то мере идеи коллективной собственности и коллективного производства. «Ассоциация» Прудона вызывала аналогии с производительными ассоциациями Фурье, Бюше, Луи Блана и других утопистов. Распространение подобного рода иллюзий отчасти входило в намерения самого Прудона, преподносившего ремесленникам и ремесленным рабочим свои реформаторские проекты как новую социалистическую систему «свободной рабочей ассоциации».

Но еще молодой Энгельс быстро и глубоко разобрался в этом обмане. После первых же выступлений, пропагандировавших прудоновскую «ассоциацию» грюшианцев, Энгельс правильно расценил ее как новое издание идей давно обанкротившихся английских «трудовых базаров», как ассоциацию «разнородных ремесленников», создающих «большой склад» для своих продуктов. Энгельс доказывал, что «...прудоновская ассоциация» есть не что иное, как «акционерное общество с его индивидуальным владением и всем, что с ним связано...»².

Своей критикой прудоновской ассоциации Энгельс делал первый шаг по пути раскрытия в прудонистском реформаторстве зерна буржуазного социализма. Он характеризовал план Прудона как мещансскую идиллию, исключающую крупную промышленность и капиталистическое сельское хозяйство.

Эти мысли затем обсуждались в переписке между Марксом и Энгельсом 1846—1847 гг. Их следы мы найдем и в известном письме Маркса к П. В. Анненкову и в «Нишете философии», где критика прудонизма получила под первом Маркса дальнейшее углубление и развитие. Неотразимая сила этой критики еще более возрастила вследствие того, что Маркс после информации Энгельса ясно видел содержащиеся в философско-экономических умствованиях Прудона намеки на разработанный им всеобъемлющий реформаторский план. «Нишета философии» Маркса нацеливалась, несомненно, на этот план и имела его в виду, уделяя такое большое место разбору оуэнистских «меновых базаров» и реформатор-

¹ D. Halévy. La vie de Proudhon, p. 386.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 49.

ских проектов Брэя, в сочинениях которого, намекал Маркс, содержится ключ ко всем прошедшим, настоящим и будущим сочинениям г-на Прудона¹. Ближайшее из этих будущих сочинений как раз и свидетельствует, насколько Маркс попал в точку.

Первоначальные наброски Прудона об «ассоциации» получили дальнейшее развитие в его проектах 1847 г. именно в том направлении, какое предвидел Маркс. Прудоновская «ассоциация» приняла в своем развитии уже совершенно определенный вид реформы обмена и кредита при сохранении незыблемости частной собственности и индивидуального производства. Для такой расшифровки имеется любопытный источник, могущий до некоторой степени пролить свет на то «решение социального вопроса», какое Прудон объявил найденным в 1847 г. и которое он собирался изложить на страницах газеты *«Peuple»*. Мы имеем в виду появившиеся осенью 1847 г. пробные номера газеты — *«Représentant du Peuple»*, редактором которой после февральской революции стал сам Прудон и которая была первым признанным органом прудонистского направления во Франции². Эти пробные номера *«Représentant du Peuple»* не стали предметом изучения биографов Прудона и не привлекли к себе должного внимания исследователей развития прудонизма. Игнорирование этих материалов не может быть оправдано тем соображением, что нет доказательств участия Прудона в попытке издания *«Représentant du Peuple»* в 1847 г. Действительно, источники не содержат каких-либо указаний на отношения Прудона с этой газетой еще перед революцией 1848 г. Напротив, как мы видели, он был в это время связан с предприятием В. Гиля, с газетой *«Peuple»*. Переписка Прудона за 1847 г. также не содержит следов его участия в попытке издания *«Représentant du Peuple»*. Ничто, следовательно, не дает нам права утверждать, что материалы пробных номеров *«Représentant du Peuple»* вышли из-под пера Прудона или написаны при его непосредственном участии³. Оставляя данный вопрос открытым, исследователь не может, однако, пройти мимо материалов *«Représentant du Peuple»*, имеющих существенное значение для расшифровки и оценки реформаторских проектов и всех идеально-политических позиций Прудона накануне февральской революции. Независимо от того, были ли лично связаны учредители и редакторы *«Représentant du Peuple»* с Прудоном перед революцией, пробные номера этой газеты носят отчетливые признаки сильнейшего влияния идей Прудона на их составителей. Его имя неоднократно упоминается при изложении взглядов, которыми особенно вдохновляется *«Représentant du Peuple»*. Наконец, — что еще важнее, — ряд программных положений этой газеты был сформулирован буквально в том же духе и в тех же выражениях, что и соответствующие положения в написанном Прудоном проспекте газеты *«Peuple»*, и развивал эти положения Прудона. Вследствие этого материалы

¹ Прямым намеком на прудоновский план реформ являлось также то место «Нищеты философии», где Маркс иронически советовал Прудону не забывать арифметических правил при вычислениях в его «Программе прогрессивной ассоциации» (там же, стр. 68).

² «Le *Représentant du Peuple. Journal Quotidien et Hebdomadaire des Producteurs*», 1-e année, № 1, Jeudi 14 Octobre 1847; Bureau: rue des Petits Augustins, 4, Numéro specimen. В заголовке второго пробного номера стояло: 2-e numero specimen, Lundi 15 Novembre 1847. Большая часть второго пробного номера состояла из материалов, перепечатанных из первого, с некоторыми добавлениями и пояснениями.

³ В своей статье «Прудон в 1848—1849 гг.» М. М. Смирин допустил в свое время досадную ошибку, приняв *«Représentant du Peuple»* 1847 г. за орган Прудона и приписав ему авторство статей пробного номера. (См. «Ученые записки Московского педагогического ин-та им. К. Либкнехта», 1937, стр. 5.)

«*Représentant du Peuple*» дают возможность судить о том, какой отклик тогда получали реформистские проекты Прудона, в какой среде они подхватывались, в каком направлении расшифровывались и развивались,— каковы были, следовательно, объективный характер и объективная роль прудонистских проектов и идеи накануне февральской революции.

По свидетельству Даримона, истинным основателем «*Représentant du Peuple*» был журналист Ж. Виард¹. Наши сведения о нем очень скучны. Виард был драматургом и поэтом, сотрудником многих сатирических журналов и листков, оппозиционных к июльской монархии². В молодости он сильно увлекался сен-симонистскими идеями в интерпретации Анфантэна, горячим поклонником которого он был до тех пор, пока не стал последователем Прудона.

Прудонистом Виард оставался до самой смерти (в 1865 г.); в 1848 г. он активно содействовал привлечению Прудона к сотрудничеству, а затем и к редактированию «*Représentant du Peuple*». Для характеристики той социальной среды, в которой находили себе adeptov новейшие проекты Прудона, следует обратить внимание и на второго учредителя «*Représentant du Peuple*» Шарля Фовти, доставившего средства на издание пробных номеров газеты в 1847 г. и явившегося ее собственником в 1848 г. Мы имеем в данном случае дело с фигурой дельца с сен-симонистским прошлым и орлеанистским настоящим — фигурой, не так уж редко встречавшейся во Франции в период распада сен-симонистской школы. Бывший торговец трикотажными изделиями, удалившись от дел коммерции³ Фовти подвизался на журналистском поприще в тех газетах орлеанистского направления, которые проповедовали «мир» и «европейское финансовое сотрудничество». Будучи сотрудником *Gazette diplomatique, journal des communications politiques et financières de l'Europe*, он после ее превращения в 1846 г. в «*Le Portefeuille*» стал одним из редакторов последней⁴. В 1847 г. редакция этой газеты была по невыясненным причинам обновлена, и Ш. Фовти вышел из газеты, чтобы создать собственный орган — «*Le Vérité, revue réformiste*», который он и попытался превратить осенью 1847 г. в «*Représentant du Peuple*», газету «реформистскую и социалистическую».

В попытке создания «*Représentant du Peuple*» в 1847 г. участвовали и некоторые затронутые прудонистской пропагандой ремесленные рабочие, вроде типографского наборщика из группы «*Atelier*» Васбентера, ставшего в 1848 г. управляющим газетой Виарда и Фовти, или сапожника Лавинье Лапуант, обращенного в прудонизм Грюном⁵. Такое сочетание

¹ А. Дагимон. Указ. соч., стр. 337.

² О Виарде см. *Vergmogen. Les hommes de 1848*. Р., 1869, pp. 283—284; *Bulletin de la censure, index français*, № 6—7 (Juin—Juillet, 1848). Данный бюллетень называет Виарда бывшим редактором известного сатирического листка «*Corsaire*», но эти сведения розысками не подтверждаются.

³ Эти сведения о Фовти сообщил в 1848 г. Даримон Эйзерман, доверенное лицо Прудона и Пиля по печатным предприятиям прудонистской школы (см. А. Дагимон. Указ. соч., стр. 21, 28).

⁴ «*Le Portefeuille*» — *revue diplomatique...* *Journal dynasique, fondé en 1846 par M. Molé...* Rédacteurs: Loys d'Hermine, Heuné de Kessler, Ch. Fauvety, F. Segoffin, Texier d'Arnout, etc. (см. I. Zambard H. La presse parisienne... depuis le 22 février jusqu'à l'Empire. 2-e édit., 1853, pp. 137—138; Hatip. Bibliographie de la presse périodique française. Р., p. 489).

⁵ Архив ИМЭЛС. Письмо Грюна к Прудону от 26 апреля 1846 г., где излагались мысли этого Лавинье о том, что «будущее не находится более на баррикаде» и что «чем более народ будет разбираться в экономической теории, тем меньше нужды ему будет драться».

вчерашних орлеанистских дельцов и представителей парижской литературной богемы с зараженными реакционным «экономизмом» квалифицированными ремесленниками-рабочими довольно верно показывало социальные прослойки, которые тяготели перед революцией к прудонизму.

Особенно характерным было обращение к прудонизму бывших сен-симонистов. Это было закономерным проявлением той генетической идейной связи, какая существовала между прудонистской панацеей реформы кредита и доктриналии сен-симонистской школы, отводившей столь важное место общественному кредиту как орудию социальной реконструкции капиталистического строя. Влияние кредитных теорий сен-симонизма может рассматриваться как один из важнейших идейных источников буржуазного социализма-Прудона. Маркс заметил однажды, что в своих проектах реформы кредита Прудон «...пытался худшую часть сен-симонистской доктрины прикрыть маской эксцентричной оригинальности...»¹. Нет ничего удивительного в том, что в 40-х годах XIX в. прудонизм стал притягивать к себе худшую часть разложившейся сен-симонистской школы.

Наибольшее значение для решения интересующего нас вопроса представляют те статьи «*Représentant du Peuple*», в которых развивались реформаторские проекты ее создателей и редакторов². Газета хорошо показывала сен-симонистские исходные пункты своих взглядов на природу классовых антагонизмов. «*Représentant du Peuple*» делил общество на «производителей» и «непроизводительное, праздное население». Промышленная буржуазия в собственном смысле слова к паразитическому слою не относилась. Как утверждала газета, «различия между буржуазией и народом более не являются различиями каст, но лишь различиями фортуны и случая — сегодня буржуа тот, кто завтра может стать народом, и обратно»³.

Исходя из этого и развивая мысли, высказанные Прудоном в «Системе экономических противоречий», газета критиковала фурьеристский лозунг «права на труд» и противопоставляла ему «общую формулу», которую она выводила из «права на полный продукт труда». Формула эта гласила: «Торжественное освящение и утверждение (*la réalité*) священного, естественного и неотъемлемого права производителя в обществе, проведшем справедливое и научное разделение труда: все, кто производят

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1, стр. 27.

² При рассмотрении содержания пробных номеров «*Représentant du Peuple*» 1847 г. надо иметь в виду, что весь помещенный в них материал не имел подписей и фигурировал как анонимный текст. Однако авторство этих материалов — по крайней мере важнейших из них, определявших направление и программу газеты, — не вызывает у нас сомнений. Наиболее существенные отрывки и целые разделы этих статей были впоследствии, после революции, перепечатаны в газете «*Représentant du Peuple*» за подписью их авторов — Ш. Фовти и Ж. Виарда. Затруднение состоит в том, что неизвестно — являлись ли эти статьи плодом коллективного творчества или же индивидуального и в таком случае, кто именно из двух учредителей газеты был автором той или иной статьи.

См. № 1 «*Représentant du Peuple*» от 27 марта 1848 г., где редакционная статья содержала отрывок из *specimen'a* 1847 г. об организации труда, а также № 1 реорганизованного «*Représentant du Peuple*» от 1 апреля 1848 г., передовая которого, подписанная Ш. Фовти и Ж. Виардом, состояла сплошь из цитат из *specimen'a* от 14 октября 1849 г. с указанием, что именно там была дана «программа наших идей в области организации труда», и № 3 от 10 апреля 1848 г. с перепечаткой за подписью Ш. Фовти и Ж. Виарда из *specimen'a* от 14 октября 1847 г. статья «*Résultats économiques de la Révolution française*».

³ «*Représentant du Peuple*», *Numéro specimen № 1*, статья «*Politique intérieure et extérieure*» и статья «*Le Représentant du Peuple. Son but*».

всё, имеют право на всё — такова социальная и политическая цель, которую будет энергично преследовать газета «*Représentant du Peuple*»¹.

Воплощением этой максимы являлся предложенный газетой широкий план социальной реконструкции. Представление об этом плане давала статья, помещенная в обоих пробных номерах «*Représentant du Peuple*» под названием: «Организация труда, то есть»².

Данная программная статья провозглашала целью социальной реформы создание общественного строя — национального и международного,— назначением которого будет «производство посредством труда»³. Последнее означало, как мы сейчас увидим, уничтожение капиталистической прибыли и паразитизма при сохранении частной собственности и товарного производства. «Все, что не создано трудом человека,— земля, вода, воздух, огонь — должно использоваться в интересах всех и не может никем присваиваться безвозмездно. Законен лишь обмен продуктами труда каждого человека. Не допускается никакая аристократия — ни по рождению, ни по капиталу, ни по таланту. Между всеми видами труда должно существовать полное равенство; физический труд столь же свят и достоин почести, что и умственный труд. Трудиться должны все и труд должен быть обеспечен всем. Труд должен оплачиваться трудом, а не наниматься за деньги капиталом. Богатство наций должно основываться не на увеличении «химерического капитала», который не соответствует росту производства, и не на «фикции и предрассудках» получения процентов на накопленные деньги, а исключительно на беспрерывном умножении всеобщего труда и распространении его плодов (*sur la diffusion des produits de tous*)»⁴.

Разбираемая статья воспроизводила центральное положение прудонистской социальной реформы, требуя «изобретения и создания нового реального знака обмена»⁵. Статья давала детальную характеристику этих новых трудовых денег. Их выпуск будет лимитирован производством продуктов; вместе с потреблением продуктов будут поглощаться и представляющие их знаки обмена. Новые знаки будут средством обмена, а не объектом торговли и лихомства. Они являются залогом свободы и независимости труженика, так как заменят собой нынешнюю «фальшивую» монету, выпускаемую в неограниченном количестве и продолжающую существовать и тогда, когда продукты пошли в потребление,— монету, плодящую новые монеты, которые глажут и поглощают вновь произведенные трудящимся продукты, монету, являющуюся «орудием грабежа», «средством порабощения производителя, лишающегося своих продуктов, которые он не может выкупить...»⁶.

Нетрудно заметить, что и характеристика новых «обменных знаков», и критика существующих денег исходила из экономических взглядов Прудона, объявлявшего деньги главным орудием эксплуатации человека человеком. Об этом же свидетельствовал и § X статьи, развивавший

¹ «*Représentant du Peuple*, Numero specimen № 1, статья «*L'organisation du travail, c'est-à-dire*».

² «*Représentant du Peuple*, 2-е numero specimen, Lundi 15 Novembre 1847. Большая часть положений этой статьи содержалась уже в 1-м пробном номере «*Représentant du Peuple*», в статьях «*Le Représentant du Peuple. Son but*», «*Politique intérieure et extérieure*», «*L'organisation du travail, c'est-à-dire*». Во втором пробном номере эти материалы были собраны воедино и дополнены некоторыми пояснительными абзацами и новыми параграфами (§ VIII, IX, XIV).

³ Там же.

⁴ «*Représentant du Peuple*, 2-е numero specimen, Lundi 15 Novembre 1847.

⁵ Там же, § IX.

⁶ Там же

пресловутую идею «конституирования стоимости», выдвинутую Прудоном в «Философии нищеты». Этот параграф требовал установления «со строгой математической точностью» «истинной стоимости продуктов» на основании издержек производства, «то есть на сумме времени и издержках, которые стоит производство каждого продукта» и которые определяются продолжительностью и интенсивностью труда, потреблением, которое он за собой влечет, издержками обучения работника и квалификацией, какую он показывает¹.

Представляют интерес и следующие два параграфа этой программы (§ XI и § XII). Требуя «науки для всех» и «искусства для всех», они решительно оспаривали фурьеристскую формулу особого «вознаграждения таланта» и настаивали на том, чтобы люди науки и искусства вознаграждались единственно лишь по своей продукции, оценка которой должна производиться на общих основаниях со всеми продуктами, т. е. подпадать под действие «закона истинной стоимости или эквивалентности обмена»².

Несмотря на эту критику фурьеристских идей, проекты «*Représentant du Peuple*» делали попытку использовать некоторые организационные формы фурьеристской фаланги под нужды ассоциации мелких производителей. Так, § XV рассматриваемой статьи предусматривал, что «для наиболее быстрого, плодотворного и наиболее привлекательного производства общественных богатств» равноценные между собой виды человеческого труда — «функции» — специализируются, объединяются в «серии», «классы», «группы», которые должны координировать между собой свою деятельность.

Эскиз такой координации набрасывали § XIV и § XV.

Каждая категория «функции» избирает из своей среды: «свою коммерческую и финансовую администрацию, свое судебное и дисциплинарное ведомство и свой университет (школы ученичества и армии молодых производителей — когорты соучастников (компаньонов) общественных работ)»³. Эти отрасли управления состоят из специальных серий рабочников, члены которых, равные между собой по степени пользы и необходимости для производства, получают одинаковое вознаграждение, растущее вместе с ростом одаренности каждого работника. Эти три серии работников, объединяясь, образуют «большой генеральный совет» каждой отрасли промышленности. Из довольно неясных формулировок этого параграфа следовало, что над всеми советами отдельных отраслей промышленности стоит «постоянный совет промышленности». Последний излагает нужды всей промышленности и каждой ее отдельной отрасли перед совещательной властью, избираемой ежегодно всем населением, но не носящей представительного характера. Эта совещательная власть олицетворяет «национальное единство» в отношениях между собой разных категорий и «функций» и во взаимоотношениях между нациями. Совещательная власть не управляет, но наблюдает за действиями коллективов трудящихся, работающих в ведомствах администрации, суда и образования; она обвиняет, но не выносит решений без специальных на то полномочий; она предлагает, но не распоряжается «без согласия большинства»; она «сообщает всему общественному организму в целом движение, инициативу, жизнь, наконец прогресс, но без того, чтобы нанести ущерб уверенной свободе нации — свободе, которая никогда не отчуждается ни

¹ «*Représentant du Peuple*», 2-е numero specimen, Lundi 15 Novembre 1847.

² Там же.

³ Там же. В этих параграфах можно увидеть зародыш всех проектов корпоративной системы, которые впоследствии развивал Прудон в 1848 г.

в руки одного человека, ни в пользу какого-либо политического корпуса, ибо нация трудящихся может, если она этого хочет, отказываться от своих несовершенных решений»¹.

Следующий параграф проливал свет на всю эту «трудовую ассоциацию», которая воспроизвела некоторые внешние формы ассоциации фурьеристской, но в действительности коренным образом отличалась от последней.

Газета рассматривала ассоциацию как «синтез», решающий антиномию понятий собственность и общность имущества. Тезис — собственность, антитезис — общность (*la commünauté*), синтез — «ассоциация», в которой продукт своего труда гарантирует каждого производителя по отношению ко всем, так же как всех по отношению к нему².

Эта формулировка дает возможность установить бесспорно прудонистский характер рассматриваемого проекта *«Représentant du Peuple»* и одновременно отметить развитие, какое получила в нем одна из центральных идей Прудона. Употребив известную формулировку о «синтезе собственности и общности», *«Représentant du Peuple»* тем самым признавал и подчеркивал, что источник предлагаемого им проекта лежит в доктринах Прудона. С помощью этой гегельянской конструкции прудонистская мысль, как известно, стремилась сохранить индивидуальную собственность мелкого производителя.

Напомним, что еще в «Что такое собственность» Прудон выразил такой гегельянской формулой намечаемое им решение социального вопроса³. Искомый им «синтез общности и собственности» он назвал тогда «свободой»⁴. При этом «Что такое собственность» давала лишь самую общую характеристику этого строя «свободы», основанного на замене собственности «владением» и на эквивалентном обмене продуктами и услугами.

«Система экономических противоречий» повторила в несколько измененном виде ту же гегельянскую формулу, представив синтез собственности и общности в виде «теории взаимности»⁵. В проекте *«Représentant du Peuple»* «свобода» и «взаимность» получили уже более конкретные очертания и были выражены понятием «ассоциации» — тем самым понятием, которое Прудон применял в своем решении «проблемы пролетариата».

Параграф XVI гласил: «Взаимный честный и свободный обмен между ассоциированными и солидарными трудящимися богатствами, произведенными трудом каждого. Обмен, производимый без несправедливых мошеннических, невозможных прибылей в пользу паразитов-посредников — будь то капиталисты, или собственники, либо коммиссионеры и т. д. и т. п., — чужой продукт может приобретаться лишь посредством своего собственного продукта, эквивалентного тому продукту, который покупается»⁶. Таким образом, при ближайшем рассмотрении в этой «ассоциации»

¹ «Représentant du Peuple 2-e numero specimen, Lundi 15 Novembre 1847.

² «Représentant du Peuple», specimen № 1, статья «Un grand parti organisateurs»

³ Прудон. Что такое собственность. СПб., 1907, стр. 239. «Чтобы представить все это в виде гегельянской формулы, я скажу: общность, первая форма... есть первый член социального развития, тезис; собственность, противоречащая общности, есть второй член, антитезис; остается найти третий член, синтез, и мы найдем требуемое решение».

⁴ Там же, стр. 261.

⁵ P. J. P r u d h o n. *Contradictions économiques*, t. II, p. 414.

⁶ Там же, § XVI. В другой статье *«Représentant du Peuple»* следующим образом формулировал сущность прудонистской «организации труда»: «За организованный труд, то есть за потребление каждого, опирающееся на производство каждого...» (specimen № 1, «Quelques opinions de Jacques Bonhomme»).

частная собственность на средства производства продолжала сохраняться. Единственной формой связи между различными категориями производителей становился обмен продуктами их труда: «Каждая нормальная серия производителей должна работать для самой себя и для других серий». Вот почему упоминавшаяся выше выборная администрация фигурировала в рассматриваемом наброске как «коммерческая и финансовая администрация», но не как администрация производственная. У такой «серии», объединявшей однородных самостоятельных производителей — собственников своих орудий и средств труда, общий интерес мог сводиться лишь к коллективному обмену продуктов своего труда с другими группами производителей и к коллективному приобретению от них всего необходимого для членов своей «серии». В этом своем виде «нормальные серии производителей» скорее всего напоминали расширенные ремесленные цехи, и вся эта прудонистская схема «организации труда» на деле выглядела как восстановление средневековой системы корпорации мелких самостоятельных производителей. Таков был затаенный смысл обращения *«Représentant du Peuple»* к «серийным» формам фурьеристской фаланги, стремления приспособить эти формы к проектам «трудовых денег» и основанного на них «справедливого», эквивалентного обмена самостоятельных производителей-собственников.

В данном случае, как и в ряде других, вполне подтверждалась отмеченная в свое время Марксом реакционная сущность мелкобуржуазной идеи «организации труда». «Эта организация является никакой другой, как средневековой», — писал Маркс в своем конспекте известной книги Евгения Бюрэ о нищете рабочих классов в Англии и Франции. «В существе организации труда — что означает политическое расчленение, охватывающее все буржуазное общество,— лежит принцип корпорации. Современная промышленность является дезорганизованной, отрицательной организацией труда. Стремление ее восстановить является реакционным, благим пожеланием. Наибольшее, чего достигнут эти реакционеры, это то, что они перейдут от феодализма к бюрократии и невозможным образом организуют промышленность по-бюрократически»¹. В этом замечании Маркс нащупал источник того внутреннего противоречия, которым отмечены все реформаторские системы мелкобуржуазного социализма, — противоречия между «бюрократической» организацией производства и обмена и проповедью максимальной «свободы производителя». Это противоречие дало себя знать и в рассматриваемой программной статье *«Représentant du Peuple»*.

В своих заключительных параграфах статья провозглашала «интеллектуальную, чувственную (*sentimentale*) и материальную эмансиацию производителя — мужчины и женщины — с тем, чтобы производитель, свободный, ответственный перед своим сознанием и перед обществом, смог, как можно скорее, сам думать, любить, действовать, сам представлять самого себя перед богом и перед людьми — повсюду, в семье и в мастерской — без делегатов, без хозяев, без отчуждения своей свободы, без отдачи своего суверенитета (*sans démission de son souveraineté*), без эксплуатации слабости силой или силы — слабостью и без управления чело-

¹ MEGA. I. Abteilung, B. VI, S. 603. В особенности это противоречие присуще любой сколько-нибудь цельной анархистской системе и в первую очередь анархистской концепции Прудона во всех ее формах и вариантах. Отрицание государства и всякой принудительной власти и затем впуск этого государства «с черного хода» в виде более или менее замаскированных корпоративных органов экономического регулирования — таково имманентное противоречие, заключенное в социально-политических идеях Прудона.

века человеком»¹. Этот идеал, выраженный вполне прудонистскими формулами, звучал бессильным, благим пожеланием перед лицом сложной системы «нормальных» и «специальных» серий и прочих органов администрации «трудовой ассоциации».

Весьма существенное значение для нашего анализа имеют статьи «*Représentant du Peuple*», излагавшие политические взгляды и лозунги газеты. Газета давала понять, что тревожит ее не деятельность июльской монархии и не политика правительства Гизо. Конечно, июльская монархия неспособна осуществить организацию труда на всеобщую пользу, но она и не является помехой к ее осуществлению. Более того, вполне можно использовать легально существующие возможности и не прибегать ни к каким средствам, способным вызвать противодействие властей. Намекая на реформаторский план Прудона, газета писала: «С помощью ума, хладнокровия, ловкости и смелости можно найти в современных учреждениях, какими бы они дефектами ни страдали, но в особенности в коммерческом либерализме, под носом у него,— и притом так, что правительство не может издать ни одного закона, чтобы помешать нам в этом,— радикальные и экономические средства, необходимые для того, чтобы изменить снизу доверху все социальное здание. Мы докажем вам это, пролетарии, и меньше чем через год,— мы можем вам обещать без шарлатанства,— организация труда будет начата и притом самими вами, если вы этого очень хотите»². Нужно лишь, чтобы правительство и власти не мешали, хранили нейтралитет, на который и рассчитывают «люди инициативы и мирного действия». Они будут «счастливы», если конституционная власть «еще на некоторое время поймет отрицательное (негативное) величие, высокое беспристрастие и провиденциальный скептизм своей роли, как то понимает, например, министерство Гизо»³. Прямыми следствием этой сервильной позиции по отношению к правительству Гизо было, то, что газета призывала рабочих бороться против распространяющейся монополии денег, против тирании капитала, лишь при помощи «экономических и промышленных учреждений». «Пролетарии, с картой в руке, используя права человека, объединимся (*associons*), сохраняя,—насколько это по крайней мере позволит спасение и поддержка завоеванных свобод,— самый строгий нейтралитет по отношению к власти»⁴. Газета звала пролетариев образовать как можно скорее «моральную ассоциацию солидарных трудящихся», обещая, что когда их будут сотни тысяч, объединенных убеждением и знанием средств осуществления равенства обмена,— никакая власть с ними не справится⁵. Не менее характерным было отношение «*Représentant du Peuple*» к борьбе за избирательную реформу. Появившиеся в свет в самый разгар банкетной кампании 1847 г. пробные номера газеты в ряде статей высказывали отрицательное отношение к борьбе за демократизацию политического строя.

Газета находила даже известную выгоду для народа в том, что после июльской революции буржуазия отстранила его от политической власти: эта несправедливость, вопреки намерению буржуазии, пошла на пользу социальному делу. Сохраняя для самой себя «конституционную метафизику», буржуазия не соблазнила народ «парламентскими фикциями», «она не расслабила разума народа пустопорожними и ошибочными

¹ «*Représentant du Peuple*, 2-е numero specimen, статья «Organisation du travail etc.», § XIX.

² «*Représentant du Peuple*, numero specimen, статья «Ce que peut faire de mieux le gouvernement actuel».

³ Там же.

⁴ Там же, статья «*Associons nous, la charte à la main*».

⁵ Там же.

рассуждениями» и «его способность постигнуть истину будет от этого лишь более отчетливой и более действенной, так как парламентаризм не испортит и не развернёт его»¹. Правда, по временам народ стремился приобрести политические права, чтобы добиться какого-либо улучшения своей участи, однако он не создавал себе иллюзий насчет их действенности; «трудовой народ понял, что социальная наука может теперь прийти к нему лишь извне парламентов, и он поставил на парламентах крест, он хорошо знает, что эта публика никогда не защищает дела трудового народа и что он должен рассчитывать во всем на самого себя»².

Критикуя банкетную кампанию республиканцев, газета требовала от имени «народа» не откровений, не руководства, не необдуманных толчков, не консульства, не диктатуры, «а показа, раскрытия справедливости честным людям, которые обяжутся друг по отношению к другу всерьез соблюдать эту справедливость»³.

Как нетрудно заметить, эти мысли и формулировки почти буквально воспроизвели приведенный выше текст проспекта газеты «Peuple», написанный самим Прудоном. Нельзя не видеть в этом еще одного свидетельства влияния идей Прудона на содержание пробных номеров «Représentant du Peuple». Показать эту справедливость народу должна новая наука, социальная наука. «Наши революционеры должны быть теперь людьми из мастерской, экономистами», — говорила передовая статья «Représentant du Peuple», подчеркивая, что она подразумевает под экономической наукой «ту неотразимую и чисто французскую науку равенства, которая должна вооружить угнетенных и эксплуатируемых во всех концах мира и которая обновит лицо земли, осуществив среди всех наций славную и свободную республику обмена человеческого труда (des échanges du travail humain)»⁴.

Еще определенное газета «Représentant du Peuple» выступала против революционного движения масс, считая их выступление против июльской монархии ненужным и вредным.

Ярким свидетельством этой антиреволюционной позиции служил выдвинутый на страницах газеты Виарда и Фовти план предотвращения растущего революционного кризиса во Франции с помощью новой партии, которую необходимо срочно организовать.

«При нынешних общественных обстоятельствах,— говорила газета,— хотя они и способны привести в отчаяние научных революционеров, может быть, еще может организоваться и избежать кровопролития большая партия — мирный организатор французской демократии»⁵. Газета перечисляла, из каких элементов могла бы образоваться такая партия: «1) Из просвещенных радикалов, которые благодаря социалистическим сочинениям школ Сен-Симона, Ш. Фурье и особенно высокоученой и яркой критике Прудона, уверовали в порядок, т. е. в постепенное осуществление демократии посредством применения принципов экономической науки. 2) Из нескольких представителей (membres) интеллигентной буржуазии, которым эти социалистические писатели внушили веру в дело труда, в дело организованной свободы и равенства»⁶. Такая партия, подчеркивала газета, была бы «живым синтезом» собственности и общности

¹ «Représentant du Peuple», numero specimen № 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, статья «Un grand parti organisateurs est encore possible».

⁶ Там же.

(соптинаутé), она свято уважала бы человеческую жизнь, но «без сделок с радикальными требованиями экономической науки».

Для понимания всей этой мысли о создании союза просвещенной буржуазии и просвещенных радикалов с трудящимися на базе мирного социального реформаторства существенно важно иметь в виду, что, по мнению *«Représentant du Peuple»*, такая партия «еще могла бы создаться — вдали от династических и парламентских пустяков (frivolités) — в правительственные сферах и в народе»¹. Последнюю задачу газета брала на себя, предоставляя «некоторым другим передовым газетам» создание такой партии в кругах правительства. Таким образом, речь шла с фантастическом плане привлечения на сторону прудонистского реформаторства правящих кругов июльской монархии, представителей финансовой аристократии!

Вдумываясь в эту мысль *«Représentant du Peuple»* о реформистской партии во Франции, можно понять, что газета Виарда и Фовти высказывала в сущности идею объединения реакционных течений французского неполитического «социализма», мирного социального реформаторства, для борьбы против республиканского и демократического лагеря, толкающего страну к революции. Такой антиреволюционный социал-реформистский блок должен был получить поддержку и в правящих сферах и среди более дальновидных представителей финансовой аристократии, например у банкиров и дельцов с сен-симонистским прошлым.

Идея такого объединения сторонников мирного буржуазного и мелкобуржуазного реформаторства могла быть подсказана новоявленным адептам Прудона давнишней пропагандой социетарной школой Консiderана необходимости создания во Франции новой «социальной партии», в противовес существующим, грызущимся между собой и разложившимся политическим партиям. Мысль о создании такой «jeune parti social» Консiderан высказал впервые еще в 1833 г.² С тех пор она неоднократно повторялась, принимая вид то единения «наиболее благоразумных и наиболее интеллигентных людей»³ из консервативного и оппозиционного лагеря, то союза «здравых умов, которые ускользнули от партии»⁴, но всякий раз с ясно выраженными антиреволюционными, мирнореформаторскими целями.

У *«Représentant du Peuple»* была также программа ближайшей деятельности этой партии, которую можно назвать партией предотвращения во Франции революции: она была должна сосредоточить свои усилия и действия на промышленности с целью произвести «как можно скорее изменения экономических учреждений, в духе равенства условий».

Такая партия, утверждала *«Représentant du Peuple»*, «вскоре же взорвала бы на воздух всех политических манекенов с их благородными речами и эгоистическими делами», Франция была бы спасена, а Европа немедленно последовала бы за Францией. Но нельзя терять ни минуты, угрожающее торопила газета: «время горит, мгновения сочтены, накопившаяся ненависть пришла в брожение!» Эти предостережения и угрозы явно предназначались для того, чтобы, напугав буржуазию и правительство, легче было склонить их к поддержке реформаторских проектов *«Représentant du Peuple»*. Вот почему газета объявляла существование июльской монархии, несмотря на все ее пороки, полезным и необходимым для народа как период подготовки его сил к «последнему, решитель-

¹ Там же.

² См. *«Phalanstère»*, t. 2, № 26, 28 juin 1833, pp. 308—310.

³ V. Considérant. *Bases de la politique positive*. Р., 1841, pp. 36—37.

⁴ *«Phalange»*, vol. I, 1845, p. XXIX.

ному бою». Но слова о «последнем, решительном бое» не следует принимать слишком серьезно. Как было показано выше, «*Représentant du Peuple*» вовсе не считала июльскую монархию сколько-нибудь серьезной помехой на пути практического осуществления коренных общественных преобразований. Больше всего газета опасалась нарастающей боевой активности масс. Она призывала рабочих к отказу от вмешательства в конфликт между оппозицией и правительством. «Пролетарии, дай бог, чтобы законное негодование не ввергло нас снова в битву, в которой мы не могли бы выставить всех своих сил. В этом — наше самое горячее желание, хотя у нас, как и у вас, краской покрывается лицо от бедствий и унижений Франции»¹.

Одно из главных требований демократии — всеобщее избирательное право — новоявленные прудонисты из «*Représentant du Peuple*», считали преждевременным. Их доводы воспроизводили подхватывавшиеся реакционной публицистикой критические замечания утопистов насчет фальши буржуазных политических и социальных свобод и сводились к утверждению о полной зависимости неимущих избирателей от внешнего влияния. «Как люди, которые... не являются хозяевами своей собственной эксплуатируемой личности, как могут они быть хозяевами своего голоса?!» Выборы, произведенные таким образом всем народом, зависящим от хозяев, разделенным во мнениях, неразбирающимся,— могут ли они быть выражением чего-либо иного, чем интересов хозяев, обрекающих его на такую жизнь! ²

Бросается в глаза, каким непроходимым доктринерством, каким непониманием реального исторического процесса развития сознания трудающихся масс было пронизано все это рассуждение. Реакционный характер этого доктринерства оттеняло то, что избирательной парламентской реформе газета противопоставила требование реформы советов прюдоммов. Надо иметь в виду истинное значение этого требования парижских рабочих осенью 1847 г. В июне 1847 г. министерство торговли и земледелия восстановило советы прюдоммов почти во всех отраслях парижской промышленности, предписав выборы в них на основе правил времен拿破仑ovской империи. Это означало, что делегатов от рабочих в советы прюдоммов могли выбирать лишь мастера и так называемые «патентные рабочие», т. е. рабочие, имевшие право (патент) на открытие собственной мастерской. Большая часть рабочих лишалась, таким образом, права избирать своих делегатов в советы прюдоммов, которые делались твердыней предпринимателей и их слуг. Применение этих законов вызвало большое волнение среди различных категорий парижских рабочих, особенно среди ткачей, краснодеревцев-столяров и типографов. В петиции, подписывавшейся в августе 1847 г. на парижских предприятиях, рабочие требовали права свободного выбора своих представителей в советы прюдоммов. Их требования поддерживала оппозиционная демократическая печать, в первую очередь газеты «*Reforme*» и «*Atelier*»³.

При этом христианские реформаторы из «*Atelier*» требовали создания советов прюдоммов на паритетных началах из выборных представителей от рабочих и предпринимателей, под председательством назначенного правительством лица. Характерно, что именно это требование и было поддержано в пробных номерах «*Représentant du Peuple*»⁴. Повторяя это требование, вышедшее из кругов реакционно настроенного верхушечного

¹ «*Représentant du Peuple*», numero specimen № 1.

² Там же.

³ См. «*La Réforme*» от 10, 11 и 12 августа и от 20 сентября 1847 г.

⁴ «*Représentant du Peuple*», статья «Buvez donc à la réforme industrielle».

слоя ремесленных рабочих, прудонистская газета «*Représentant du Peuple*» придала ему некий программный характер. Избрание рабочими своих представителей в советы приюдоммов было объявлено «немедленным движением вперед к равенству и к действительному представительству трудающихся», «освящением принципа независимости трудающихся от хозяев и от капитала»¹. Именно такого «подлинного представительства народа» (*le représentation sincère du peuple*) в промышленных учреждениях и необходимо добиться, прежде чем вводить всеобщее избирательное право. После того как эта мера и многие другие, еще более эффективные, обеспечат свободу трудающегося, сознание им своей личности,— только после этого он сможет использовать и свои политические права. «Чтобы добиться честности политической, осуществите-ка сперва честность социальную!» — гласил лозунг газеты, отодвигавший завоевание всеобщего избирательного права в необозримую даль и снимавший его практически с повестки дня².

Настойчиво проповедуя отказ от борьбы за избирательную реформу, «*Représentant du Peuple*» прямо ссылался в этом на Прудона. На страницах первого же пробного номера газеты было приведено следующее изречение Прудона: «Всякий, кто проповедует всеобщее избирательное право, как единственный принцип порядка и уверенности,— лжец и шарлатан, обманывающий народ. Суверенитет без знания — слеп. Всякий, кто, признавая реальность социальной науки, отбрасывает, как бесполезную, политическую реформу,— лжец и шарлатан: наука без одобрения народа бессильна. Познания нескольких лиц, повелевающих волей большого числа людей,— унизительны и компрометируют равенство. Народный же суверенитет, не признающий науки, оскорбителен; это атака на свободу»³. Какой же вывод сделала газета из этих мыслей Прудона, по-доктринерски излагавших проблему отношения социальной «науки» и политических действий масс? Совсем не тот, что настала необходимость борьбы за политическую демократию, которая даст народу возможность санкционировать «социальную науку». Газета заключала из этой мысли Прудона обратное: «Итак, в настоящий момент будем работать исключительно над созданием (*constitution*) и пропагандой социальной науки...».

Борьбу за политическую реформу «*Représentant du Peuple*» откладывала до того времени, когда в народе — едином, убежденном и непоколебимом — будет образована великая национальная партия, стоящая за признание достоверными принципы социальной науки (*gesouillie certains*)⁴. Иначе говоря, борьбе за демократию должно предшествовать сплочение буржуазии, мелкой буржуазии и пролетариата в единый «национальный лагерь», т. е. устранение противоречий между этими классами при помощи прудоновской социальной реформы. В сущности эта «национальная партия» была не чем иным, как политическим воплощением прудонистской «ассоциации производителей» вместе с ее организаторами и руководителями из числа буржуазных и мелкобуржуазных реформаторов.

Таковы были взгляды «*Représentant du Peuple*» на социальный вопрос и политическую борьбу во Франции перед революцией.

Уместно еще раз поставить вопрос о том, насколько эти взгляды можно считать адекватными взглядам самого Прудона, следов прямого отношения которого к изданию газеты Биарда и Фовти в 1847 г. не найдено.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же, статья «*Mes amis, pas de fausse route!*».

⁴ Там же.

Нет сомнения, что в ряде случаев «*Représentant du Peuple*» высказывал в своих пробных номерах взгляды, заметно отличавшиеся от взглядов самого Прудона. Таков, например, тезис об эмансипации женщины, выставленный в реформаторском проекте газеты. Газета требовала «экономической эмансипации женщины, рассматриваемой, наконец, в качестве производителя, а не как жены, находящейся на иждивении мужа, являющегося единственным работником», и утверждала, что «только экономическая эмансипация может обеспечить, упорядочить и закрепить гражданскую и моральную эмансипацию женщины»¹. Существенная разница между этими сен-симонистскими и фурьеистскими положениями и ретроградными мыслями по тому же вопросу, содержащимися в «Философии нищеты», очевидна.

Но в своих основных чертах идеи и проекты «*Représentant du Peuple*» вполне соответствовали экономическим и социально-политическим идеям Прудона, его представлениям об источниках и природе капиталистической прибыли, его идеям реформы обращения и обмена, его стремлению к «синтезу» собственности и общности при сохранении самостоятельных производителей-собственников, его концепции растворения правительства в экономической организации общества.

Это соответствие распространяется и на отношение «*Représentant du Peuple*» к июльской монархии и к революционной перспективе во Франции. Антиреволюционные позиции газеты, как мы видели, прямо подпирались прудоновским решением социальной проблемы, надеждами предотвратить с помощью проектов Прудона революционный взрыв. Но дело было не только в этом стремлении редакторов «*Représentant du Peuple*» базировать свои антиреволюционные взгляды на реформаторских идеях Прудона.

Из собственных признаний Прудона о его предреволюционных настроениях и взглядах можно видеть, насколько совпадали эти взгляды с выступлением «*Représentant du Peuple*» в защиту июльской монархии, против требований буржуазной оппозиции и против революционного движения масс, с отмеченными выше призывами газеты — отложить борьбу за политическую реформу до того, как в массы будет внедрена «социальная наука» и создастся единение буржуазии, мелкой буржуазии и пролетариата.

Переписка Прудона за 1847—1848 гг. заполнена резкими осуждениями парламентской оппозиции и ее нападок на правительство Гизо. «Было бы самым большим счастьем, какое могло бы выпасть на долю французского народа, если бы сотню депутатов оппозиции бросили в Сену с мельничным жерновом на шее», — писал Прудон по поводу выступлений оппозиции против Гизо². Нарастание революционной активности масс вызывало у Прудона и его последователей тревогу. Ее хорошо выразил в

¹ «*Représentant du Peuple*, specimen № 2, статья «Organisation du travail». Кстати сказать, взгляды газеты на эмансипацию женщин совпадали с критическими замечаниями, высказанными Грюном по поводу относящихся к этому вопросу положений «Философии нищеты» (Архив ИМЭЛС, письмо Грюна к Прудону от 24 ноября 1846 г.); весьма напоминают немецкий «истинный социализм» и те идеи, какие развивал «*Représentant du Peuple*» о «неотложной задаче» возвысить пролетариат до «сияющих высот целостной и полной человеческой индивидуальности, обладающей ощущениями, чувствами, знаниями». Наконец статьи «*Représentant du Peuple*» против фитредеров соответствовали призывам Грюна к Прудону объединиться со сторонниками протекционизма и создать континентальную партию борьбы с Англией и фитредерством (Архив ИМЭЛС, письма Грюна к Прудону от 26 сентября и 17 ноября 1847 г.).

² P. J. Proudhon. Correspondance, t. II, p. 277, письмо к Морису от 22 января 1848 г.

одном из своих писем к Прудону Грюн: «Народ не имеет права похищать у нас, настоящих мыслителей-реалистов (*penseurs réels*), у нас, которые всё знают и которые одни могут желать всего, инициативу грядущей революции...»¹.

Опасаясь революционных действий масс, их расправы со своими эксплуататорами, Грюн призывал Прудона готовиться защищать буржуазию от гнева народа: «Если народ первым дернет веревку набатного колокола, то нам надо взять на себя командование экспедицией охранных сил (*l'expédition des forces de sûreté*)»². Впрочем, то было мнение не только Грюна, но и самого Прудона, который разделял опасения и страхи своего немецкого единомышленника и был настроен не менее враждебно к надвигающейся революции. Позднее, в 1849 г., Прудон красочно изобразил свое умственное состояние накануне февральской революции: «Находясь на самом низу социального здания, среди рабочих масс, будучи сам одним из первых подрывников, подкапывающих его фундамент, я видел лучше, чем государственные деятели, спорившие между собой на его вершине, приближение опасности и все последствия крушения»³. Прудон признавался, что он «дрожал от страха» при виде того, как приближается республика, и заклинал своих друзей не вмешиваться в борьбу между консерваторами и оппозицией. «Я оплакивал бедного трудащегося, которого я заранее считал обреченным на безработицу и долгие годы нищеты... Я оплакивал буржуазию, которую видел разоренной, ввергнутой в банкротство, враждебно возбужденной против пролетариата, и против которой меня заставляли бороться антагонизм идей и фатальное стеченье обстоятельств, тогда как я, более чем кто-либо другой, был расположен жалеть ее»⁴. Одно из писем Грюна к Прудону хорошо разъясняет, какую буржуазию жалел здесь больше всего Прудон. Отвечая на не дошедшее до нас письмо Прудона, Грюн писал ему, что выполнил его совет и указание: «Я так оберегал мелкую буржуазию, людей, обзаведшихся делом (*etablis* — устроившихся) и продолжающих трудиться, что Секта обвиняет нас в том, что мы золотая середина, контрреволюционеры, буржуи (см. «Нищету» г-на Маркса)...»⁵.

Но и эти высказывания и признания еще не передавали всей полноты контрреволюционных чувств, какие владели Прудоном накануне февральской революции. Их Прудон доверял лишь своему интимному дневнику⁶. Только там мы находим высказанные без стеснения подлинные мысли Прудона о нарастающем во Франции новом революционном кризисе. В этих личных заметках Прудон громит и буржуазную и пролетарскую оппозицию к июльской монархии, осуждает все, что может приблизить ее конец. «Франция погибла, если она не выпроводит свою оппозицию (*si elle ne renvoie pas l'opposition*)» «Франция будет еще раз выдана болтуналам... Красноречие снова начинает нас затоплять, как в 89 году, мы погибли!» Политика Гизо находит у Прудона все большее одобрение и защиту. Тогдашний орган Гизо, *«Journal des Débats»*, по его мнению, — «единственная газета, которая права». Прудон одобряет и внешнюю и

¹ Архив ИМЭЛС. Письмо Грюна к Прудону от 26 августа 1847 г.

² Там же.

³ *«Le Peuple»*, № 99, 25—26 февраля 1849 г., статья Прудона *«Demonstration du socialisme etc.»*

⁴ Там же.

⁵ Архив ИМЭЛС. Письмо Грюна к Прудону от 17 ноября 1847 г. Нет нужды объяснять, что «Сектой» Грюн называет здесь революционных коммунистов — Маркса и Энгельса и созданный ими «Союз коммунистов».

⁶ Выдержки из этих *Carnets intimes* Прудона приведены Д. Алеви в его предисловии к новому французскому изданию *«Confessions d'un révolutionnaire»*. Р., M. Rivière, 1929.

внутреннюю политику Гизо. «Я гораздо больше опасаюсь действов à la Robespierre, неохристиан, религию государства, эклектизм, чем ультрамонтанство», — пишет он по поводу войны швейцарского Зондербунда. «Швейцария вовлечена в абсурдную войну. Демагогия ищет способа свлечь всю Европу на этот абсурдный путь. Надо заявить во всеуслышние, решительно, что из всех партий единственно прав Гизо».

Прудон одобрил даже отстранение правительством Гизо от преподавания в высшей школе Кине, Мишле и Мицкевича. По поводу же студенческих демонстраций протesta он записывал: «Когда же запрут эту распутную, буйствующую молодежь в казармы? Смелее, Гизо!». По мере развития событий Прудон все более отчетливо формулирует свое отделение от республиканцев и демократов.

«Итак, я должен окончательно порвать с этой кликой, отбросить всякую солидарность и всякую связь доктрины (*toute filiation de doctrine*) с людьми из «National» и с обезьянами Горы». Он ищет способов развертывания своей пропаганды во всех направлениях: «Попробовать столкнуться с «Moniteur industriel», с газетой хозяев, тогда как «Le Peuple» будет газетой рабочих... Писать во всех газетах, без различия, журналах (*les recueils*)».

В январе 1848 г. он с отчаянием констатирует, что темпы развития событий опережают все его усилия: «Несколько человек готовятся к решительному удару. Итак, нищета явилась причиной того, что события захлестнут меня (*je serais debordé par les événements*)... В этой сумятице нет более места для Разума. Я все более убеждаюсь, что в мире для меня нет места».

Все это достаточно подтверждает, что те антиреволюционные взгляды, какие проповедовал на своих страницах «*Représentant du Peuple*», полностью совпадали с позицией самого Прудона. Это относится и к утверждению «*Représentant du Peule*», что борьбе за политические права народа должно предшествовать создание и распространение «социальной науки». Выражая ту же мысль в несколько иной форме, Прудон считал, что главная опасность сложившейся во Франции обстановки состоит в том, что революция надвинулась раньше, чем была постигнута ее «идея», т. е. раньше, чем получили признание принципы и цели прудонистской социальной реформы. Он видел главную беду в том, что никто не понимал характера надвигающейся революции, не знал ее заветного «слова», что ни республиканцы, ни социалисты не имели «ни ключа, ни знания», что никто не разгадал «загадки демократического и социального чудовища»¹. Социальная революция, подчеркивал Прудон, назрела раньше, чем ее идея. «Вопреки всему опыту, вопреки порядку, которому неизменно следовало до того историческое развитие, событие собиралось произойти прежде идеи (*le fait allait être posé avant l'idée*)»². В этой мысли, ярко выражившей прудоновский исторический идеализм, заключалось признание преждевременности не только революции, но, в сущности, вообще борьбы за демократию во Франции.

Приведенные материалы довольно ясно очерчивают позиции Прудона перед революцией 1848 г. во Франции. Он подготовил решение социального вопроса посредством реформы обращения и обмена. Он исходил из того, что пролетариат и буржуазия могли теперь слиться с мелкой буржуазией в единой «ассоциации» самостоятельных производителей. Он открывал перед буржуазией чудодейственную возможность преодоления

¹ Предисловие Д. Алеви к «*Confessions d'un révolutionnaire*»

² Там же.

классовых антагонизмов, восстановления социального единства нации. Он возвещал, что не политическая демократия, а социальная реформа является первоочередной необходимостью, что борьба за демократию только отвлечет массы на ложный путь, что политический переворот не нужен, так как июльская монархия дает достаточно легальных возможностей осуществить социальную реформу и может оказать ей известное содействие в целях предотвращения революции. Он убеждал пролетариев и демократическую мелкую буржуазию, что политические перемены могут быть предприняты только после того, как получат признание и осуществление его реформаторские идеи, т. е. тогда, когда будут слажены и преодолены классовые противоречия. Наконец, из своего убеждения, что революция крайне опасна и для народа и для буржуазии, так как неизбежно ведет к экономической катастрофе и обострению классовой борьбы в стране, он делал прямые контрреволюционные выводы.

Эти позиции Прудона накануне февральской революции много объясняют нам в той оценке, которую дал его идеям «Коммунистический Манифест». Как известно, «Манифест» отнес Прудона к представителям «консервативного или буржуазного социализма», которые «хотят сохранить условия существования современного буржуазного общества, но без борьбы и опасностей, которые неизбежно из них вытекают», и «хотели бы иметь буржуазию без пролетариата». К признакам этого «социализма», указывал далее «Манифест», относится и стремление «...внушить рабочему классу отрицательное отношение ко всякому революционному движению, доказывая, что ему может быть полезно не то или другое политическое преобразование, а лишь изменение материальных условий жизни, экономических отношений. Однако под изменением материальных условий жизни этот социализм понимает отнюдь не уничтожение буржуазных производственных отношений, осуществимое только революционным путем, а административные улучшения, осуществляемые на почве этих производственных отношений, следовательно, ничего не изменяющие в отношениях между капиталом и наемным трудом...»¹.

Наши материалы показывают причины, вызвавшие необходимость этой характеристики и дополнения ею оценки взглядов Прудона, данной в «Нищете философии». Характеристика системы буржуазного «социализма» Прудона вытекала из глубоко верного понимания Марксом и Энгельсом сущности этой системы, однородности ее идей с основами «социализма» различных мелкотравчатых буржуазных реформаторов.

Вместе с тем характеристика «Коммунистического Манифеста» была основана на отличном знакомстве Маркса и Энгельса с направлением мысли реформаторских проектов Прудона, с дальнейшим развитием этих проектов в ближайший период после выхода в свет «Философии нищеты». Маркс и Энгельс были, несомненно, осведомлены и о политических устремлениях Прудона и его последователей в момент назревания революционного кризиса во Франции. Они имели ясное представление о том развитии, какое получили у Прудона его антиреволюционные декларации 1846 г., высказанные им еще в ответном письме Марксу и повторенные в «Философии нищеты».

Не приходится сомневаться, что для Маркса и Энгельса не прошли незамеченными ни проспект газеты «Peuple», ни пробные номера «Représentant du Peuple». Энгельс знал о попытке издания этой последней газеты и был убежден в прямой причастности к ней самого Прудона. Об этом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. М., 1951, стр. 65.

свидетельствует статья Энгельса о Прудоне, написанная через год для «Новой Рейнской Газеты». В этой статье указывалось, что накануне революции 1848 г. Прудон «занимался попытками издания ежедневной газеты «*Représentant du Peuple*»¹. Об осведомленности Маркса о политических позициях Прудона накануне революции 1848 г. говорит и то место известного некролога Маркса о Прудоне, в котором напоминалось, что февральская революция произошла для Прудона совсем некстати: «...ведь он всего лишь за несколько недель до нее неопровергимо доказал, что «эра революций» навсегда миновала»². В момент создания «Коммунистического Манифеста» Маркс и Энгельс могли, следовательно, раскрыть до конца содержание и объективный смысл контрреволюционных проектов Прудона, выдвинутых в обстановке, когда революционное брожение охватывало уже не только рабочие массы, но и массы мелкой буржуазии.

Буржуазный характер этих проектов и идеино-политических позиций Прудона подтверждался и составом последователей, сбиравшимся вокруг него в канун революции 1848 г. Враждебные социализму республиканцы, вроде Пиля; бесцветные и безидейные книжники-ученики, вроде Даримона; орлеанистские журналисты-дельцы сен-симонистской складки, вроде Фовти; представители деклассированной сен-симонистской ботемы, вроде Виарда; идеологи реакционного немецкого мещанства, вроде Грюона; представители консервативной мелкой буржуазии и зараженных «экономизмом» квалифицированных ремесленных рабочих из лагеря «христианского социализма» — такова среда, в которой находили отклик реформаторские идеи Прудона. Его претензии представлять будущее социализма, «будущее демократической и социальной республики»³ были столь же необоснованными, как и горделиво-хвастливое заявление, сделанное в январе 1848 г.: «Я являюсь в данный момент единственным человеком, на которого рассчитывает народ и которого страшатся реакционеры»⁴. Мы видели, что менее всего реакционеры страшились Прудона; скорее можно заметить, что они были не прочь использовать его как орудие раскола рядов демократического лагеря. Свидетельства всех современников — от полицейского агента де ла Одда, считавшего, что Прудон «был совершенно незнаком народу до революции»⁵, до прудониста Даримона, признававшего, что до февральской революции Прудон был известен лишь «небольшому числу ученых и спекулятивных умов»⁶ — подтверждают, что прудонизм накануне революции представлял собой маловлиятельную секту буржуазных социалистов. Лишь период революции и контрреволюции (1848—1851 гг.) создал условия, приведшие к значительному росту влияния прудонизма во Франции.

¹ Данная статья Энгельса была впервые опубликована в 1940 г. в журнале «Большевик», № 14, стр. 45.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 28.

³ Р. J. Proudhon. Correspondance, t. II, p. 274, письмо к Магэ от 14 января 1848 г.

⁴ Там же.

⁵ De la Hoddie. Указ. соч., стр. 336.

⁶ А. Дагитоп. Указ. соч., стр. 35. Даримон прибавлял: «Его труды, хотя и составленные в пользу народа, мало проникли в мастерские. Что могли рабочие понять в «Создании порядка в человечестве» и в «Системе экономических противоречий?».

О Прудоне и прудонизме:

Н.Застенкер. Прудон и февральская революция 1848 г.

Н.Застенкер. Прудон и его “банк обмена”

Н.Застенкер. Об оценке Прудона и прудонизма

в «Коммунистическом манифесте»

Ю.Стеклов. Прудон отец анархии

В.Смирнова. Критика Ф.Энгельсом взглядов П.-Ж.Прудона

и его борьба с прудонизмом в международном рабочем движении

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm